

Несчастье. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://chekhovanton.ru/> Приятного чтения!

Несчастье. Антон Павлович Чехов

Софья Петровна, жена нотариуса Лубянцева, красивая молодая женщина, лет двадцати пяти, тихо шла по лесной просеке со своим соседом по даче, присяжным поверенным Ильиным. Был пятый час вечера. Над просекой сгустились белые, пушистые облака; из-под них кое-где проглядывали ярко-голубые клочки неба. Облака стояли неподвижно, точно зацепились за верхушки высоких, старых сосен. Было тихо и душно.

Вдали просека перерезывалась невысокой железнодорожной насыпью, по которой на этот раз шагал для чего-то часовой с ружьем. Тотчас же за насыпью белела большая шестиглавая церковь с поржавленной крышей...

– Я не ожидала встретиться здесь с вами, – говорила Софья Петровна, глядя в землю и трогая концом зонтика прошлогодние листья, – и теперь рада, что встретила. Мне нужно говорить с вами серьезно и окончательно. Прошу вас, Иван Михайлович, если вы действительно любите меня и уважаете, то прекратите вы мои преследования! Вы ходите за мной, как тень, вечно смотрите на меня нехорошими глазами, объясняетесь в любви, пишете странные письма и... и я не знаю, когда всё это кончится! Ну, к чему всё это поведет, господи боже мой?

Ильин молчал. Софья Петровна прошла несколько шагов и продолжала:

– И эта резкая перемена произошла в вас в какие-нибудь две-три недели, после пятилетнего знакомства. Не узнаю вас, Иван Михайлович!

Софья Петровна искоса взглянула на своего спутника. Он внимательно, щуря глаза, глядел на пушистые облака. Выражение лица его было злое, капризное и рассеянное, как у человека, который страдает и в то же время обязан слушать вздор.

– Удивительно, как это вы сами не можете понять! – продолжала Лубянцева, пожав плечами. – Поймите, что вы затеваете не совсем красивую игру. Я замужем, люблю и уважаю своего мужа... у меня есть дочь... Неужели вы это ни во что не ставите? Кроме того, вам, как моему старинному приятелю, известен мой взгляд на семью... на семейные основы вообще...

Ильин досадливо крякнул и вздохнул.

– Семейные основы... – пробормотал он. – О, господи!

– Да, да... Я люблю мужа, уважаю и во всяком случае дорожу покоем семьи. Скорей я позволю убить себя, чем быть причиной несчастья Андрея и его дочери... И я прошу вас, Иван Михайлович, ради бога, оставьте меня в покое. Будемте по-прежнему добрыми и хорошими друзьями, а эти вздохи да ахи, которые вам не к лицу, бросьте. Решено и кончено! Больше ни слова об этом. Давайте говорить о чем-нибудь другом.

Софья Петровна опять покосилась на лицо Ильина. Ильин глядел вверх, был бледен и сердито кусал дрожавшие губы. Лубянцевой было непонятно, на что он злился и чем возмущался, но его бледность тронула ее.

– Не сердитесь же, будемте друзьями... – сказала она ласково. – Согласны? Вот вам моя рука.

Ильин взял ее маленькую пухлую руку в свои обе, помял ее и медленно поднес к губам.

– Я не гимназист, – пробормотал он. – Меня нимало не соблазняет дружба с любимой женщиной.

– Довольно, довольно! Решено и кончено! Мы дошли до скамьи, давайте сядемте...

Душу Софьи Петровны наполнило сладкое чувство отдыха: самое трудное и щекотливое было уже сказано, мучительный вопрос решен и кончен. Теперь уж она могла легко вздохнуть и глядеть Ильину прямо в лицо. Она глядела на него, и эгоистическое

Несчастье. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru

чувство превосходства любимой женщины над влюбленным приятно ласкало ее. Ей нравилось, как этот сильный, громадный мужчина, с мужественным, злым лицом и с большой черной бородой, умный, образованный и, как говорят, талантливый, послушно сел рядом с ней и понурил голову. Минуты две-три сидели они молча.

– Ничего еще не решено и не кончено.. – начал Ильин. – Вы мне словно из прописи читаете: «люблю и уважаю мужа.. семейные основы...» Всё это я и без вас знаю и могу сказать вам больше. Искренно и честно говорю вам, что это мое поведение я считаю преступным и безнравственным. Чего, кажется, больше? Но к чему говорить то, что уже всем известно? Вместо того, чтобы кормить соловья жалкими словами, вы бы лучше научили меня: что мне делать?

– Я уже говорила вам: уезжайте!

– Я уже – вы это отлично знаете – уезжал пять раз и всякий раз возвращался с полдороги! Я могу показать вам билеты прямого сообщения – все они у меня целы. Нет воли бежать от вас! Я борюсь, страшно борюсь, но куда к чёрту я годен, если во мне нет закала, если я слаб, малодушен! Не могу я с природой бороться! Понимаете? Не могу! Я бегу отсюда, а она меня за фалды держит. Пошлое, гнусное бессилие!

Ильин покраснел, встал и заходил около скамьи.

– Как собака злюсь! – проворчал он, сжимая кулаки. – Ненавижу себя и презираю! Боже мой, как развратный мальчишка волочусь за чужой женой, пишу идиотские письма, унижаюсь... эхх!

Ильин схватил себя за голову, крикнул и сел.

– А тут еще ваша неискренность! – продолжал он с горечью. – Если вы против моей некрасивой игры, то зачем же вы сюда пришли? Что тянуло вас сюда? В своих письмах я прошу у вас только категорического, прямого ответа – да или нет, а вы вместо прямого ответа норовите каждый день «нечаянно» встретиться со мной и угощаете меня цитатами из прописей!

Лубянцева испугалась и вспыхнула. Она вдруг почувствовала неловкость, какую порядочным женщинам приходится испытывать, когда их нечаянно застают не одетыми.

– Вы словно подозреваете с моей стороны игру... – забормотала она. – Я всегда давала вам прямой ответ и... и сегодня просила вас!

– Ах, да разве в таких делах просят? Если бы вы сразу сказали «подите прочь!» – меня давно бы здесь не было, но вы не сказали мне этого. Ни разу вы не ответили мне прямо. Странная нерешительность! Ей-богу, вы или играете мной, или же...

Ильин не договорил и подпер голову кулаками. Софья Петровна стала припоминать свое поведение от начала до конца. Она помнила, что все дни она не только на деле, но даже в своих сокровенных мыслях была против ухаживаний Ильина, но в то же время чувствовала, что в словах адвоката есть доля правды. И не зная, какова эта правда, она, как ни думала, не нашлась, что сказать Ильину в ответ на его жалобу. Неловко было молчать, и она сказала, пожав плечами:

– Я же еще и виновата.

– Не ставлю я вам в вину вашу неискренность, – вздохнул Ильин. – Это я так, к слову пришлось... Ваша неискренность и естественна и в порядке вещей. Если бы все люди сговорились и стали вдруг искренни, то всё бы у них пошло к чёрту прахом.

Софье Петровне было не до философии, но она обрадовалась случаю переменить разговор и спросила:

– То есть почему же?

– А потому, что искренни одни только дикари да животные. Газ цивилизация внесла в жизнь потребность в таком комфорте, как, например, женская добродетель, то уж тут искренность неуместна...

Ильин сердито ковырнул тростью по песку. Лубянцева слушала его, многого не

Несчастье. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru

понимала, но разговор его нравился ей. Ей прежде всего нравилось, что с нею, с обыкновенной женщиной, талантливый человек говорит «об умном»; затем ей доставляло большое удовольствие глядеть, как двигалось бледное, живое и всё еще сердитое, молодое лицо. Многого она не понимала, но для нее ясна была эта красивая смелость современного человека, с какою он, не задумываясь и ничтоже сумняся, решает большие вопросы и строит окончательные выводы.

Она вдруг спохватилась, что любитесь им, и испугалась.

– Простите, но я не понимаю, – поторопилась она сказать, – зачем вы заговорили о неискренности? Повторяю еще раз мою просьбу: будьте хорошим, добрым другом, оставьте меня в покое! Искренно прошу!

– Хорошо, буду еще бороться! – вздохнул Ильин. – Рад стараться... Только едва ли выйдет что-нибудь из моей борьбы. Или пулю пушу себе в лоб, или же... запью самым дурацким образом. Несдобровать мне! Всё имеет свою меру, борьба с природой тоже. Скажите, как можно бороться с сумасшествием? Если вы выпьете вина, то как вы превозможете возбуждение? Что я могу поделать, если ваш образ прирос к моей душе и неотвязчиво, день и ночь, стоит перед моими глазами, как сейчас вот эта сосна? Ну, научите же, какой подвиг я должен совершить, чтобы избавиться от этого мерзкого, несчастного состояния, когда все мои мысли, желания, сны принадлежат не мне, а какому-то демону, который засел в меня? Я люблю вас, люблю до того, что выбился из колеи, бросил дело и близких людей, забыл своего бога! Никогда в жизни я не любил так!

Софья Петровна, не ожидавшая такого перехода, подалась корпусом от Ильина и с испугом поглядела на его лицо. У него на глазах выступили слезы, губы дрожали и по всему лицу было разлито какое-то голодное, умоляющее выражение.

– Я люблю вас! – бормотал он, приближая свои глаза к ее большим, испуганным глазам. – Вы так прекрасны! Страдаю я сейчас, но, клянусь, всю жизнь я просидел бы так, страдая и глядя в ваши глаза. Но... молчите, умоляю вас!

Софья Петровна, словно застигнутая врасплох, стала быстро-быстро придумывать слова, какими бы она могла остановить Ильина. «Уйду!» – решила она, но не успела она сделать движения, чтобы подняться, как Ильин стоял уже на коленях у ее ног... Он обнимал ее колени, глядел ей в лицо и говорил страстно, горячо, красиво. В страхе и чаду она не слыхала его слов; почему-то теперь, в этот опасный момент, когда колени ее приятно пожимались, как в теплой ванне, она с каким-то злым ехидством искала в своих ощущениях смысла. Злилась она, что всю ее, вместо протестующей добродетели, наполняли бессилие, лень и пустота, как у пьяного, которому море по колено; лишь в глубине души какой-то отдаленный кусочек злорадно поддразнивал: «Отчего же не уходишь? Значит, это так и должно быть? Да?»

Ища в себе смысла, она не понимала, как это она не отдернула руки, к которой пиявкой присосался Ильин, и чего ради она поторопилась взглянуть в одно время с Ильиным направо и налево, не глядит ли кто-нибудь? Сосны и облака стояли неподвижно и глядели сурово, на манер старых дядек, видящих шалость, но обязавшихся за деньги не доносить начальству. Часовой столбом стоял на насыпи и, кажется, глядел на скамью.

«Пусть глядит!» – подумала Софья Петровна.

– Но... но послушайте! – проговорила она, наконец, с отчаянием в голосе. – К чему же это поведет? Что потом будет?

– Не знаю, не знаю... – зашептал он, отмахиваясь рукой от неприятных вопросов.

Послышался сиплый, дребезжащий свист локомотива. Этот посторонний, холодный звук обыденной прозы заставил Лубянцеву встрепенуться.

– Мне некогда... пора! – сказала она, быстро поднимаясь. – Поезд идет... Андрей едет! Ему нужно обедать.

Софья Петровна обратилась пылающим лицом к насыпи. Сначала медленно прополз локомотив, за ним показались вагоны. Это был не дачный поезд, как думала Лубянцева, а товарный. Длинной вереницей один за другим, как дни человеческой

Несчастье. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
жизни, потянулись по белому фону церкви вагоны, и, казалось, конца им не было!

Но вот, наконец, поезд кончился и последний вагон с фонарями и кондуктором исчез за зеленью. Софья Петровна резко повернулась и, не глядя на Ильина, быстро пошла назад по просеке. Она уже владела собой. Красная от стыда, оскорбленная не Ильиным, нет, а своим собственным малодушием, своим бесстыдством, с каким она, нравственная и чистоплотная, позволила чужому обнимать ее колена, она теперь об одном только и думала, как бы скорее дойти до своей дачи, до семьи. Адвокат едва поспевал за ней. Поворачивая с просеки на узкую тропинку, она оглянулась на него так быстро, что увидела только песок на его коленях, и махнула ему рукой, чтобы он оставил ее.

Прибежав домой, Софья Петровна минут пять стояла неподвижно в своей комнате и глядела то на окно, то на свой письменный стол...

– Мерзавка! – бранила она себя. – Мерзавка!

Начло себе, она во всех подробностях, ничего не утаивая, припомнила, что все эти дни она была против ухаживаний Ильина, но что ее тянуло идти объясниться с ним; мало того, когда он валялся у ее ног, то она чувствовала необыкновенное наслаждение. Припомнила она всё, не жалея себя, и теперь, задыхаясь от стыда, была бы рада надавать себе пощечин.

«Бедный Андрей, – думала она, стараясь при воспоминании о муже придать своему лицу возможно нежное выражение. – Варя, бедная моя девочка, не знает, какая у нее мать! Простите меня, милые! Я вас люблю очень... очень!»

И, желая доказать самой себе, что она еще хорошая жена и мать, что порча еще не коснулась тех ее «основ», о которых она говорила Ильину, Софья Петровна побежала в кухню и раскричалась там на кухарку за то, что та не собирала еще на стол для Андрея Ильича. Она постаралась представить себе утомленный и голодный вид мужа, вслух пожалела его и собственноручно собрала для него на стол, чего раньше никогда не делала. Потом она нашла свою дочку Варю, подняла ее на руки и горячо обняла; девочка показалась ей тяжелой и холодной, но она не хотела сознаться себе в этом и принялась объяснять ей, как хорош, честен и добр ее папа.

Зато, когда вскоре приехал Андрей Ильич, она едва поздоровалась с ним. Наплыв напускных чувств уже прошел, ничего ей не доказав, а только раздражив и озлив ее своей ложью. Она сидела у окна, страдала и злилась. Только в беде люди могут понять, как нелегко быть хозяином своих чувств и мыслей. Софья Петровна потом рассказывала, что в ней происходила «путаница, в которой так же было трудно разобраться, как сосчитать быстро летящих воробьев». Из того, например, что она не обрадовалась приходу мужа, что ей не понравилось, как он держал себя за обедом, она вдруг заключила, что в ней начинается ненависть к мужу.

Андрей Ильич, томный от голода и утомления, в ожидании пока ему подадут суп, набросился на колбасу и ел ее с жадностью, громко жуя и двигая висками.

«Боже мой, – думала Софья Петровна, – я люблю его и уважаю, но... зачем он так противно жует?»

В мыслях происходил беспорядок не меньший, чем в чувствах. Лубянцева, как и все неопытные в борьбе с неприятными мыслями, из всех сил старалась не думать о своей беде, и чем усерднее она старалась, тем рельефнее выступал в ее воображении Ильин, песок на его коленях, пушистые облака, поезд...

«И зачем я, глупая, пошла сегодня? – мучилась она. – И неужели я такая, что мне нельзя ручаться за себя?»

У страха глаза велики. Когда Андрей Ильич доедал последнее блюдо, она уже была полна решимости: рассказать всё мужу и бежать от опасности!

– Мне, Андрей, нужно поговорить с тобой серьезно, – начала она после обеда, когда ее муж снимал сюртук и сапоги, чтобы лечь отдохнуть.

– Ну?

– Уедем отсюда!

– Гм... куда? В город еще рано.

– Нет, путешествовать, или что-нибудь вроде...

– Путешествовать... – пробормотал нотариус, потягиваясь. – Я и сам об этом мечтаю, да где взять денег и на кого я контору оставляю?

И, подумав немного, он прибавил:

– Действительно, тебе скучно. Поезжай сама, если хочешь!

Софья Петровна согласилась, но тотчас же сообразила, что Ильин обрадуется случаю и поедет с ней в одном поезде, в одном вагоне... Она думала и глядела на своего мужа, сытого, но всё еще томного. Почему-то взгляд ее остановился на его ногах, миниатюрных, почти женских, обутых в полосатые носки; на кончиках обоих носков торчали ниточки...

За спущенной сторой бился о стекло и жужжал шмель. Софья Петровна глядела на ниточки, слушала шмеля и представляла себе, как она едет... Vis-a-vis (11) день и ночь сидит Ильин, не сводящий с нее глаз, злой на свое бессилие и бледный от душевной боли. Он величает себя развратным мальчишкой, бранит ее, рвет у себя волосы на голове, но, дождавшись темноты и, улучив время, когда пассажиры засыпают или выходят на станцию, падает перед ней на колени и сжимает ей ноги, как тогда у скамьи...

Она спохватилась, что мечтает...

– Послушай, одна я не поеду! – сказала она. – Ты должен со мной ехать!

– Фантазия, Софочка! – вздохнул Лубянцев. – Надо быть серьезной и желать только возможного.

«Поедешь, когда узнаешь!» – подумала Софья Петровна.

Решив уехать во что бы то ни стало, она почувствовала себя вне опасности; мысли ее мало-помалу пришли в порядок, она повеселела и даже позволила себе обо всем думать: как ни думай, ни мечтай, а всё равно ехать! Пока спал муж, мало-помалу наступал вечер... Она сидела в гостиной и играла на пианино. Вечернее оживление за окнами, звуки музыки, но, главное – мысль, что она умница, справилась с бедой, окончательно развеселили ее. Другие женщины, – говорила ей покойная совесть, – в ее положении наверное бы не устояли и закружились вихрем, а она едва не сгорела со стыда, страдала и теперь бежит от опасности, которой, быть может, и нет! Так ее умиляли ее добродетель и решимость, что она даже раза три на себя в зеркало взглянула.

Когда стемнело, пришли гости. Мужчины сели в столовой играть в карты, дамы заняли гостиную и террасу. Позднее всех явился Ильин. Он был печален, угрюм и как будто болен. Как сел в угол дивана, так не поднялся во весь вечер. Обыкновенно веселый и разговорчивый, на этот раз он всё время, молчал, хмурился и почесывал около глаз. Когда приходилось отвечать на чей-нибудь вопрос, он через силу улыбался одной только верхней губой и отвечал отрывисто, со злобой. Раз пять он сострил, но остроты его вышли жестки и дерзки. Софье Петровне казалось, что он близок к истерике. Только теперь, сидя за пианино, она впервые ясно сознала, что этому несчастному человеку не до шуток, что он болен душой и не находит себе места. Ради нее он губит лучшие дни своей карьеры и молодости, тратит последние деньги на дачу, бросил на произвол судьбы мать и сестер, но главное – изнемогает в мученической борьбе с самим собою. Из простого обиходного человеколюбия следовало бы отнестись к нему серьезно...

Она сознала всё это ясно, до боли в сердце, и если бы в это время она подошла к Ильину и сказала ему «нет!», то в голосе ее была бы сила, которой трудно было бы послушаться. Но она не подошла и не сказала, да и не подумала об этом... Мелочность и эгоизм молодой природы никогда, кажется, не сказались в ней так сильно, как в этот вечер. Она сознавала, что Ильин несчастлив и сидит на диване, как на угольях, ей было больно за него, но в то же время присутствие человека, который любит ее до страдания, наполняло ее душу торжеством, ощущением своей силы. Она чувствовала свою молодость, красоту, неприступность и – благо решила уехать! –

Несчастье. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru

дала себе в этот вечер волю. Она кокетничала, без умолку хохотала, пела с особенным чувством и вдохновенно. Всё ее веселило, и всё ей было смешно. Смешило ее воспоминание о случае у скамьи, о глядевшем часовом. Смешны ей были гости, дерзкие остроты Ильина, булавка на его галстук, которой она раньше никогда не видала. Булавка изображала красную змейку с алмазными глазками; так смешна казалась ей эта змейка, что она готова была бы расцеловать ее.

Пела Софья Петровна романсы нервно, с каким-то полупьяным задором и, словно поддразнивая чужое горе, выбирала грустные, меланхолические, где толковалось об утраченных надеждах, о прошлом, о старости... «А старость подходит всё ближе и ближе...» – пела она. А какое ей было дело до старости?

«Кажется, во мне происходит что-то неладное...» – изредка думала она сквозь смех и пение.

Гости разошлись в 12 часов. Последним ушел Ильин. У Софьи Петровны хватило еще задора проводить его до нижней ступени террасы. Ей захотелось объявить ему, что она уезжает с мужем, и поглядеть, какой эффект произведет на него это известие.

Луна пряталась за облаками, но было настолько светло, что Софья Петровна видела, как ветер играл полами его пальто и драпировкой террасы. Видно было также, как был бледен Ильин и как он, сияясь улыбнуться, кривил верхнюю губу...

– Соня, Сонечка... дорогая моя женщина! – забормотал он, мешая ей говорить. – Милая моя, хорошая!

В припадке нежности, со слезами в голосе он сыпал ей ласкательные слова, одно другого нежнее, и уж пускал ей ты, как жене или любовнице. Неожиданно для нее, он вдруг одной рукой обнял ее за талию, а другой взял за локоть.

– Дорогая, прелесть моя... – зашептал он, целуя ее в шею около затылка, – будь искренна, приходи сейчас ко мне!

Она выскользнула из его объятий и подняла голову, чтобы разразиться негодованием и возмутиться, но негодование не вышло, и всей ее хваленой добродетели и чистоты хватило только на то, чтобы сказать фразу, какую говорят при подобных обстоятельствах все обыкновенные женщины:

– Вы с ума сошли!

– Право, пойдем! – продолжал Ильин. – Сейчас, и там, около скамьи, я убедился, что вы, Соня, так же бессильны, как и я... Не сдобровать и вам! Вы меня любите и теперь бесплодно торгуетесь со своею совестью...

Видя, что она уходит от него, он схватил ее за кружевной рукавчик и быстро договорил:

– Не сегодня, так завтра, а уступить придется! К чему же эта проволочка во времени? Моя дорогая, милая Соня, приговор прочтен, к чему же откладывать его исполнение? Зачем себя обманывать?

Софья Петровна вырвалась от него и юркнула в дверь. Вернувшись в гостиную, она машинально закрыла пианино, долго глядела на нотную виньетку и села. Не могла она ни стоять, ни думать... От возбуждения и задора осталась в ней одна только страшная слабость с ленью и скукой. Совесть шептала ей, что вела она себя в истекший вечер дурно, глупо, как угорелая девчонка, что сейчас она обнималась на террасе и даже теперь чувствует в талии и около локтя какую-то неловкость. В гостиной не было ни души, горела одна только свеча. Лубянцева сидела на круглом табурете перед пианино, не шевелясь, чего-то выжидая. И, словно пользуясь ее крайним изнеможением и темнотой, ею начало овладевать тяжелое, непреодолимое желание. Как удав, сковывало оно ее члены и душу, росло с каждой секундой и уж не грозило, как раньше, а стояло перед ней ясное, во всей своей наготе.

Полчаса сидела она, не шевелясь и не мешая себе думать об Ильине, потом лениво встала, поплелась в спальню. Андрей Ильич уж был в постели. Она села у открытого окна и отдалась желанию. «Путаницы» в голове уже не было у нее, все чувства и мысли дружно теснились около одной ясной цели. Попробовала она было бороться, но тотчас же махнула рукой... Ей теперь понятно было, как силен и неумолим враг.

Несчастье. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru

Чтобы бороться с ним, нужна сила и крепость, а рождение, воспитание и жизнь не дали ей ничего, на что бы она могла опереться.

«Безнравственная! Мерзкая! – грызла она себя за свое бессилие. – Так вот ты какая?»

До того возмущалась этим бессилием ее оскорбленная порядочность, что она обозвала себя всеми ругательными словами, какие только знала, и наговорила себе много обидных, унижающих истин. Так, она сказала себе, что она никогда не была нравственной, не падала раньше только потому, что предлога не было, что целодневная борьба ее была забавой и комедией...

«Допустим, что и боролась, – думала она, – но что это за борьба! И продажные борются прежде чем продаться, а все-таки продаются. Хороша борьба: как молоко, в один день свернулась! В один день!»

Уличила она себя в том, что не чувство тянет ее из дому, не личность Ильина, а ощущения, которые ждут ее впереди... Дачная, гулящая барыня, каких много!

– «Как ма-ать убили у ма-алого птенца», – пропел кто-то за окном сиплым тенором.

«Если идти, так пора уж», – подумала Софья Петровна. Сердце ее вдруг забилося с страшной силой.

– Андрей! – почти крикнула она. – Послушай, мы... мы поедем? Да?

– Да... Я уже сказал тебе: поезжай сама!

– Но послушай... – выговорила она, – если ты со мной не поедешь, то рискуешь потерять меня! Я, кажется, уж... влюблена!

– В кого? – спросил Андрей Ильич.

– Для тебя должно быть всё равно, в кого! – крикнула Софья Петровна.

Андрей Ильич поднялся, свесил ноги и с удивлением поглядел на темную фигуру жены.

– Фантазия! – зевнул он.

Ему не верилось, но он все-таки испугался. Подумав и задав жене несколько неважных вопросов, он высказал свой взгляд на семью, на измену... поговорил вяло минут десять и лег. Сентенция его не имела успеха. Много на этом свете взглядов, и добрая половина их принадлежит людям, не бывавшим в беде!

Несмотря на позднее время, за окнами еще двигались дачники. Софья Петровна набросила на себя легкую тальму, постояла, подумала... У нее хватило еще решимости сказать сонному мужу:

– Ты спишь? Я иду пройтись... Хочешь со мной?

Это была последняя ее надежда. Не получив ответа, она вышла. Было ветрено и свежо. Она не чувствовала ни ветра, ни темноты, а шла и шла... Непреодолимая сила гнала ее, и, казалось, остановись она, ее толкнуло бы в спину.

– Безнравственная! – бормотала она машинально. – Мерзкая!

Она задыхалась, сгорала со стыда, не ощущала под собой ног, но то, что толкало ее вперед, было сильнее и стыда ее, и разума, и страха...

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://chekhovanton.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

Несчастье. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!